

анализ сочетания речевых и неречевых средств общения (мимики, телодвижений и пр.) с учетом их национально-культурной специфики.

Систематизация языкового материала в целях обучения английскому языку предполагает использование как собственно системного описания фонетического, лексического и грамматического аспектов языка, так и данные коммуникативной лингвистики, функциональной грамматики, контрастивной лингвистики. Систематизация языка как средства общения должна отвечать трем основным требованиям: созданию лингвистических основ обучения английскому языку с учетом языкового опыта обучаемых и владения ими родным языком; обучению их определенному (полному, усеченному или избирательному) варианту английского языка; соответствию условиям, в которых реализуется обучение коммуникативной функции английского языка и овладение ею обучаемыми.

Библиография

1. Астафурова Т. Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения. – М., 1997.
2. Williers, Sarah. Sharing Our Understanding of the Communicative Method // ИЯШ. – 2004. – № 3. – С. 21.

Стуликова Ю.А.
УрГПУ, г. Екатеринбург, Россия

Можно ли объяснить необъяснимое, или что скрывается за формами итальянского глагола

Традиционное обучение грамматике любого языка, в том числе и родного, строится на основе парадигм, которые представляют собой маленькие грамматические системы, формирующие одну общую грамматическую систему языка. Понятие парадигмы было введено в обиход науки о языке еще древними греками и настолько прочно укоренилось в лингвистике, что попытка сколь-нибудь поколебать его авторитет выглядит необычно смело. Тем не менее, попытки не столько отрицать парадигмы сами по себе, сколько заглянуть за видимые застывшие наборы флексий и увидеть за ними нечто живое и интересное, предпринимаются, и даже могут быть применены при объяснении грамматических форм языка.

В недавно вышедшей книге Т.М. Николаевой “Непарадигматическая лингвистика (история блуждающих частиц) (Москва, 2008) утверждается, что

язык не всегда строился в виде привычных нам парадигм, и как нам кажется, из логики рассуждений автора можно вывести следующее: современные словоформы не являются полностью застывшими и непрозрачными образованиями, а имеют внутреннюю грамматико-синтаксическую форму, изоморфную строению полноценного высказывания, только строевыми единицами в данном случае выступают не слова, а частицы, имеющие примитивное слоговое строение: CV или V. По мнению Т.М. Николаевой, данный класс языковых единиц, которые она называет “партикулами”, обладает некоторой общей семантикой, что позволяет им выступать в качестве основы для флексий, местоимений и частиц. Механизм комбинирования и постоянный взаимной смены этих частиц в языке она называет “конструктором”: “за формированием парадигм стоит формирование мысли, ее движение, поскольку выбор флексии (а флексии и есть те же партикулы; как правило, те же в буквальном смысле) закрепляет правильное “определение” словоформы в пространстве языка и пространстве действительности”, “...при формировании парадигм... имеет место неслучайность выбора этих партикул-флексий. То есть осуществляется то, что я называю в своей книге “минисинтаксисом”” (Николаева, с. 9-10). Это означает, что, имея представление о значениях частиц, союзов и местоимений, можно развернуть в целое высказывание сжатое синтетическое значение сложной флексии, состоящей из частиц той же природы, что и указанные выше категории слов, и тогда абстрактная и закрытая для понимания парадигма склонения и спряжения начинает выглядеть как набор “одушевленных” высказываний применительно к различным ситуациям действительности.

Согласно ученым, механизм действия такого конструктора работал на этапе существования индоевропейского языка, однако следы его работы отчетливо видны, например, в формировании парадигм итальянского глагола. Для итальянского – флективного - языка, в котором присутствуют не только односложные, но и 2-3-хсложные окончания грамматических форм (например, *costitui-rebbero, veni-ssero*), оказывается возможным разложить многосложные флексии на простые базовые единицы, предположить для них определенное значение и суммировать общий смысл данного “мини-высказывания”. Если такое упражнение и не является строго научным, так как мы не представляем в данный момент каких-либо исторических обоснований, оно имеет право на существование как гипотеза, тем более что полученные данные укладываются в определенную систему. Кроме того, оно может оказаться весьма полезным при

объяснении данных грамматических форм в классе, так как понимание принципа работы конструктора и наполнение абстрактных флексий смысловыми ассоциациями помогает свести все имеющиеся в языке глагольные словоформы к некоторым довольно простым формулам, что помогает быстрее запомнить эти формы вне языковой среды и при отсутствии интенсивной языковой практики. Глагольные формы становятся живыми, прозрачными и связанными одна с другой в общей системе. Мы считаем, что подобное углубление внутрь языка, простое объяснение того, что кажется сложным, косвенно способствует удержанию высокой мотивации к изучению итальянского языка именно на среднем и продвинутом этапе обучения, когда значительно увеличивается набор изучаемых парадигм глагола.

Следует оговориться, что, поскольку речь идет об элементах общего индоевропейского партикулярного фонда, для объяснения значений флексий и создания смысловых ассоциаций может принести пользу проведение параллелей с русским (тоже флективным) языком.

Поясним нашу идею на примерах. Синтетическая словоформа итальянского глагола строится по следующему принципу: к глагольной основе, несущей некую общую информацию о времени и наклонении глагола, добавляются суффиксы с более конкретным временным или модальным значением, а замыкают данную цепочку флексии со значением лица и числа. Ряд синтетических глагольных форм образованы путем лексикализации инфинитивных конструкций, о которых мы скажем отдельно. Базовый набор флексий лица и числа состоит всего из 6 единиц:

-o – флексия, выражающая значение первого лица единственного числа - “я”; связь латинского носового гласного с русским -у, -ю не является очевидной, поэтому предлагается просто запомнить, что гласный “o” в окончании всегда обозначает “я” и наоборот, “я” = [o];

-i – флексия, выражающая значение второго лица единственного числа - “ты”; следы этого окончания есть и в русском языке – это мягкий знак в формах *пишешь, идешь* – заменивший произносившийся там когда-то редуцированный звук, а еще ранее – гласный “и”. О сходстве форм глагола в двух языках говорит наличие в итальянском языке неправильных форм на -isc: *capisci* [кап'иши] 'понимаешь', *ardisci* [ард'иши] 'горишь'; все формы глагола 2 лица единственного числа оканчиваются на “-i”;

-a/-e – форма третьего лица в настоящем времени индикатива, по сути, не имеет окончания, так как в латинском языке эту форму замыкал согласный -t,

указывавший на третье лицо - “тот, он” (lavor-a-t), теперь для обозначения формы используется чистая основа с конечным тематическим гласным (глаголы на -ire используют гласный “е”, так как гласный -i- уже используется для выражения значения 2 лица ед. числа); в других временах и наклонениях флексия образуется путем выбора какого-то одного из двух гласных (или “а”, или “е”), который отличает данное время и наклонение от других;

-то – флексия, выражающая идею “мы”; ср. южно-славянск. *иде-мо*, русское *иде-м* (из -мь), родство с русским местоимением “мы” очевидно;

-te – флексия со значением “вы” совпадает с соответствующей русской глагольной флексией: *corre-te* “бежи-те”, *dormi-te* “спи-те”, *vola-te* “летаете”;

-по, реже -го (для условного и сослагательного наклонений): -по образовалось из латинского -nt (-unt, -ant -> -ono, -ano) после отпадения -t и присоединения гласного, но так как связь с русским -ут, -ют и -ат, -ят не очевидна, для запоминания проще опираться на созвучие с русским местоимением “они”, с которым флексия имеет схожий звуковой состав; что касается -го, данная флексия созвучна итальянскому местоимению loro “они” (lo-ro). В итальянском языке имеются глагольные времена, в которых применяется сочетание обеих флексий: -гопо.

Представим данные флексии в составе парадигм итальянского глагола.

Presente indicativo:

parl-o | parl-i | parl-a | parla-mo | parla-te | parla-no

Imperfetto (в данной парадигме флексия отделена от основы глагола суффиксом -v(a)-, выражающим прошедшее время):

parla-v-o | parla-v-i | parla-v-a | parla-va-mo | parla-va-te | parla-va-

no

Futuro и *Condizionale Semplice* образованы из сочетания инфинитива и форм глагола avere “иметь” в настоящем времени в первом случае и сочетания инфинитива и форм глагола avere в давнопрошедшем времени во втором случае, поэтому в данных формах нецелесообразно выделять все имеющиеся флексии, важнее увидеть параллель с готовыми грамматическими формами:

Futuro: arriver-o' (ho) | arriver-ai (hai) | arriver-a' (ha) | arriver-emo (abbiamo) | arriver-ete (avete) | arriver-anno (hanno)

Condizionale: arriver-ei (ebbi) | arriver-esti (avesti) | arriver-ebbe (ebbe) |

arriver-emmo (avemmo) | arriver-este (aveste) | arriver-ebbero (ebbero).

Для *Condizionale* имеет смысл создать смысловую ассоциацию с русской частицей “бы” (*andre-bbe* - “пошел бы”, *andre-bbe-go* - “пошли бы”), которая возникла из формы глагола “быть”, к которой добавляется флексия -го “они”. видно из приведенных примеров, не все формы на данный момент являются прозрачными, хотя существуют и совпадения. Данная система презентации грамматических форм должна сочетаться с объяснением базовых фонологических и особенно просодических правил, действующих в итальянском языке, которые приводят к закономерным звуковым трансформациям в словах. Одним из таких базовых правил, в частности, является удвоение согласного после ударного гласного, поэтому элемент -be- превращается в -bbe-, а элементы -se- и -то, как увидим ниже, в -sse- и -mmo.

Такие времена, как давнопрошедшее время индикатива и имперфект сослагательного наклонения имеют частично схожие флексии. Не вдаваясь в этимологию данных форм, так как мы ее специально не изучали, отметим, что предложенная система базовых флексий последовательно реализуется только в формах множественного числа.

Passato remoto (небольшой комментарий: окончания 1 и 2 лица единственного числа и 2 лица множественного числа перекликаются с окончаниями тех же форм в *Condizionale*, в форме 3 лица множественного числа используется комбинация -го-но):

cap-i-i | *cap-i-sti* | *cap-i'* | *cap-i-mmo* | *cap-i-ste* | *cap-i-ro-no* или
vol-a-i | *vol-a-sti* | *vol-o'* | *vol-a-mmo* | *vol-a-ste* | *vol-a-ro-no*

Неправильные глаголы в *passato remoto* являются неправильными строго наполовину, так как нерегулярными являются только формы 1 и 3 лица единственного числа и 3 лица множественного числа, которые используют следующую систему окончаний – *i*, -e, -го. При этом окончание 3 лица единственного числа не является ударным, в отличие от правильных форм. Неправильные формы *passato remoto* парадоксальным образом образуют правильную и стройную подсистему, не допускающую внутри себя исключений:

vid-i | *vede-sti* | *vid-e* | *vede-mmo* | *vede-ste* | *vide-ro*

Что касается имперфекта конъюнктива, он образуется, по нашему предположению, с использованием элемента -se-, который перекликается с союзом *se* “если”:

Congiuntivo imperfetto:

vole-ss-i | vole-ss-i | vole-sse или vole-ss-e | vole-ssi-mo | vole-s-te | vole-sse-ro

В составе синтаксической единицы это выглядит следующим образом: *se volessi, partirei* “если бы я хотел, я бы уехал”, то есть синтаксическое значение условности, выражаемое союзом, дублируется внутри словоформы (*se pote-sse-ro* “если мочь+если+они”), образуя рамку из двух *se*. Как мы уже сказали, базовая система флексий проявляется в формах множественного числа, а для образования форм 1 и 2 единственного числа используется гласный *-i* (*vole-sse-i* - “хотеть+если+я”). В форме третьего лица присутствует элемент, полностью совпадающий по звучанию с союзом *se*: *vole-sse*, а двойной *-ss-*, как уже было замечено, появляется после ударного гласного. Установление связи элемента *-ss(e)* с союзом *se* позволяет быстро решить вечную дидактическую проблему усвоения порядка использования грамматических форм в составе условного предложения. Если традиционно предлагаемая схема использует названия грамматических времен и выглядит так: *se + congiuntivo imperfetto + condizionale*, то более простая для запоминания схема должна опираться на нейтральную модель предложения в третьем лице единственного числа и выглядеть так: (*se* + глагол на *-se*) + глагол на *-be* (*se potesse, lo farebbe*, неправильно **se potrebbe lo farebbe* и **se potrebbe lo facesse*).

Мы рассмотрели действие грамматического “конструктора” на примере парадигмы синтетических форм итальянского глагола путем разложения многосложных флексий на простые. Предложенные схемы не только позволяют увидеть историю формирования данных форм и зашифрованный в них “минисинтаксис”, но и могут быть полезны в дидактических целях. Целью такого анализа было упростить освоение парадигм итальянского глагола для тех учащихся, которые не изучают ни латынь, ни историю итальянского языка. Выделение некоторых элементов внутри сложных флексий позволяет в том числе лучше осознать синтаксическую природу грамматических форм, как в случае с *congiuntivo imperfetto* в составе *periodo ipotetico*.

Библиография

1. Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика (история блуждающих частиц). - М.: Языки славянских культур, 2008.